

НАТАН ДЖОНС

18+



**ДОМ
БУДУЩЕГО:
ПОД БЕРЛИНСКОЙ
СТЕНОЙ
И ОБРАТНО**

Натан Джонс

Дом будущего. Под Берлинской стеной и обратно

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559061
ISBN 9785449891518*

Аннотация

Западный Берлин конца 70-х – город героев и предателей. Успешный иллюзионист решает поселиться здесь и снять театр на Потсдамер-Платц для репетиций. На исполинском пустыре возле его нового места работы – только бетон, колючая проволока и солдаты за Берлинской стеной. Но под полосой смерти лежит целый мир: архитектурный отпечаток довоенной роскоши, скрытый в земле. Ходят слухи, что через этот лабиринт можно пройти на ту сторону. Книга основана на исторических фактах и журналистском расследовании.

Содержание

Дом будущего	5
Предисловие	5
Дом будущего	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дом будущего Под Берлинской стеной и обратно

Натан Джонс

Редактор Анна Кирьянова

Дизайнер обложки Натан Джонс

Верстка Тимур Аникеев

© Натан Джонс, 2023

© Натан Джонс, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4498-9151-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом будущего Под Берлинской стеной и обратно

We can be heroes just for one day
(David Bowie)

Предисловие

Эта книга – авантюрный роман-игра по методике Умберто Эко, но – о современной истории. Берлин, Стена, семидесятые. Разделенный город: ни телефонных линий, ни транспорта. Мир, написанный Дэвидом Боуи и Брайаном Ино с помощью музыки, как с помощью краски. Что в нем можно найти, если копнуть поглубже?

Берлин, каким его знал тридцатилетний Боуи, был местом необыкновенным. Не только из-за богатой андеграундной культуры и хаотических наслоений истории, за сотню лет трижды перекроившей и без того впечатляющий пейзаж. Этот Берлин был городом героев – тех, кто, рискуя свободой и жизнью, бежал на запад или занимался организацией таких побегов.

Боуи об этом никогда не говорил, но жить в Западном Берлине и ничего не знать о «Fluchthelfer» – «помощниках

беглецов» – было попросту невозможно. Дикая, наэлектризованная атмосфера той реальности есть в его альбомах – Heroes, Low и Lodger, которые обычно называют «Берлинской трилогией». Именно ее мне хотелось воссоздать.

Эту книгу можно читать как развлекательную литературу, а можно поиграть в игру: каждая деталь что-то значит. «Дом будущего» – реальная организация, которая занималась побегами в шестидесятых. Прототипы героев – реальные организаторы. Это герой велоспорта из Восточной Германии Харри Зайдель, несколько раз пересекавший границу в одиночку: через колючую проволоку, с велосипедом на плече, вплавь, обернув документы в пластик, в темноте, с женой и младенцем, через разрезанное ограждение. После чего он помог сделать то же самое десяткам людей – по тоннелям и не только. Или Хассо Хершель – студент, который копал ходы прямо под полосой смерти на Бернауэр штрассе и занимался другими проектами. Всего он вывез и вывел через границу порядка тысячи восточных немцев, после чего был арестован.

Кажется, и Стена, и побеги давно остались в прошлом – но на деле эта часть берлинской истории все еще здесь. В старом баре, который выглядит так, словно туда вот-вот зайдет пьяный Игги Поп, бармен может бросить небрежно, разрезая лайм: «В моем доме пару недель назад нашли вход в тоннель. Он ведет на ту сторону».

И после этого, покупая сигареты в обшарпанном автома-

те, ты невольно ждешь, что нащупаешь в его металлических недрах не пачку папирос, а поддельный швейцарский паспорт.

Каждое место, описанное в романе, реально. Но это не документальная литература: некоторые факты сознательно перемешаны. Боуи называл этот жанр «faction» – [fact/fiction]. Чтобы перевести на язык визуальных образов треки-фото-снимки, треки-ощущения, которые он создавал в Берлине, только такой подход, вероятно, и годится.

Станции и тоннели, бар и театр, квартиры, будка на «Тельманнплатц» – их до сих пор можно найти. Настоящее все... кроме самого фокусника и его проекта.

Но так ведь и должно быть?

Дом будущего

Он так и знал, что Микки опоздает.

Ричард уже давно стоял на этом продуваемом всеми ветрами перекрестке, а он так и не появился. Они договорились встретиться, как только Ричард приедет в Гамбург на утреннем поезде, но с тех пор прошло полчаса, и площадь перед кинотеатром у перехода опустела – начался сеанс. О прикрытии можно было забыть.

– Рич, дружище! – вдруг услышал он и обернулся.

Микки торопливо шагал через площадь.

– Ты рехнулся, по имени меня звать! – прошипел Ричард.

– Прости, Бога ради! – парень хлопнул его по спине. –

Пришлось задержаться, жена попросила починить бачок.

– Какой еще бачок?

– Идем в бар, выпьем чего-нибудь! Ты, небось, совсем тут застыл...

Ни в какой бар они, естественно, не пошли. Микки потащил Ричарда к остановке, куда как раз подъехал автобус, и они запрыгнули внутрь. Больше туда никто не сел.

Некоторое время его новый знакомый смотрел в окно, чтобы удостовериться, что за ними нет хвоста, потом отвернулся и уже совсем другим тоном проговорил:

– Извини, что заставил ждать. У меня были подозрения.

– Насчет меня что ли? – спросил Ричард.

– Нет. Но я должен был удостовериться, что за тобой не следит никто.

– Понятно.

– Это наша.

Они вышли из автобуса. Вокруг был жилой район, который сейчас казался пустынным. Микки прошел вперед, потом нырнул в подворотню. Сразу за ней обнаружился спуск в подвал.

– Я косметикой торгую, – заметил он. – Если кто тебя спросит, ты за косметикой ко мне ездил. Для девушки твоей.

– Понял.

В подвале действительно стояли коробки с разными склянками и флаконами. Они в беспорядке громоздились на стеллаже, но когда Микки снял несколько штук, в стене за ними Ричард разглядел неприметную дверцу.

Микки отодвинул стеллаж, отпер тайник и достал оттуда брезентовый сверток.

– Как ты заказывал, – сказал он. – Проверь.

Ричард развернул свою покупку. Внутри лежали патроны и блестящий черный пистолет. Магазин был пуст, поэтому он взвел курок, прицелился в потолок и вхолостую спустил затвор.

– Три тысячи? – спросил Ричард, и Микки кивнул.

Он достал из кармана бумажник и отсчитал нужную сумму. Микки взял деньги, потом отвернулся и принялся копаться в одном из ящиков.

– Дам тебе духи и мыло. Какие она у тебя любит?

– Ты серьезно?

– Конечно! Она что, не рада будет?

– Ева? – Ричард хохотнул. – Ладно. С жасмином найдешь?

Он спрятал пистолет за пояс на спине, а патроны высыпал за подкладку дорожной сумки.

– Зашей, – сказал Микки. – Нитки тебе дать?

Ричард покачал головой – иголка и нитки у него с собой были. Друзья в Западном Берлине снабдили его очень подробной инструкцией.

Они вышли из подвала, миновали подворотню. Микки быстро огляделся, потом протянул руку Ричарду.

– Будь здоров, – сказал он.

– Взаимно.

– Ты же циркач? – вдруг спросил Микки. – Зачем тебе ствол?

– Я фокусник, – ответил Ричард. – Для нового шоу нужно.

– Будешь стрелять в ассистентку? – хмыкнул его собеседник.

– Нет, в кролика. Пока.

Он решил вернуться в Западный Берлин по автобану – на машине, которую взял у проверенного человека, работавшего на Дом будущего в Гамбурге. Пистолет вместе с патронами отправился в тайник под пассажирским сидением. Дыру в подкладке Ричард опять зашил, уединившись со своим

нехитрым багажом в туалете какого-то кафе.

На границе, вопреки ожиданиям, трудностей не возникло. Пограничник в роговых очках вяло полистал паспорт Ричарда, приоткрыл мыло, разыскивая спрятанные под оберткой купюры, потом засунул нос в дорожную сумку и в пустой пыльный багажник. После этого машину пропустили.

В город Ричард приехал вечером, когда уже стемнело. При въезде у него только проверили документы. Не теряя времени, он направился в старый театр, где репетировал почти каждый день.

На деле это здание, конечно, заслуживало сноса. Оно торчало посреди заросшего жесткой травой пустыря у самой Стены, как гнилой зуб: казалось, его оставили здесь просто по недосмотру. На пятом этаже, прямо под крышей, зияла огромная дыра, оставшаяся от снаряда. Кладка вокруг осыпалась, и внутри поселились голуби. Высокие стрельчатые окна фасада над главным входом теперь, напротив, были заложены кирпичом. Во время войны от взрывов из них повывлетали все стекла, и чтобы птицы не загадили еще и зрительский зал, проемы решили заделать наглухо.

Ричарду все это, впрочем, было только на руку. Во-первых, он мог репетировать здесь в любое время суток не опасаясь, что кто-то станет подглядывать через окно. Во-вторых, потолок над сценой оказался очень прочными. На нем удалось закрепить все конструкции, необходимые для отработки воздушных элементов – даже если ради этого при-

шлось две недели воевать с Евой, считавшей, что затея небезопасна. А в-третьих...

Через подворотню Ричард загнал машину во внутренний двор, окруженный давно не стриженной живой изгородью, и запер за собой железные ворота. Он аккуратно выудил пистолет из тайника и снова спрятал его за поясом, а патроны высыпал в карман. Потом отпер заднюю дверь и по узкой служебной лестнице, проходившей насквозь через все этажи, взбежал наверх – в зал.

Репетиция была в разгаре, и рампа, установленная над сценой, горела так, что резало глаза.

– Ричард! – услышал он.

Он обернулся, все еще щурясь от яркого света. Ева в своей неизменной бежевой водолазке и узкой твидовой юбке торопливо шагала к нему через зал. Она сдерживалась, чтобы не побежать, и маленькие каблочки так и вколачивались в пол.

– Привет, – Ричард обнял ее. – Как ты тут?

– Волновалась, – шепнула она.

Ричард почувствовал, что она нащупала пистолет у него под курткой, и кивнул. Ева улыбнулась, хотя взгляд так и остался встревоженным.

– Все хорошо? – спросил Ричард.

– Конечно.

Ева была не из тех, кто боится пистолетов, но, будь ее воля, она, конечно, запретила бы Ричарду работать с Домом

будущего. С ее точки зрения, сидеть со скованными руками в прозрачном ящике с водой, пока на тебя пялятся целый зал, было куда менее рискованно. Она, в конечном итоге, и сама знала, как выбраться оттуда.

Ричард всегда говорил, что родился циркачом. Впервые в манеж его привел брат Лесли – для пятилетнего Ричарда это закончилось тем, что он свалился с тумбы для тигра, выбив себе два передних зуба. Зубы, разумеется, были молочные, но арена после этого выглядела так, будто хищные звери только что растерзали там дрессировщика. Ричард не плакал – не позволяло чувство собственного достоинства – но в скорую помощь все-таки попал. Когда его осмотрел врач, оказалось, что вместе с одним из резцов вылетел кусочек кости. Коренные зубы из-за этого выросли чудовищно кривыми, и Ричард знал, что ближе к пятидесяти ему светит вставная челюсть.

Если он, конечно, доживет до этого прекрасного момента.
– Ну, как поездочка?

Ричард обернулся.

Джек – его друг, звукорежиссер и механик в одном лице – спустился к нему по длинной металлической лестнице, которая вела к рампе. Еще до поездки в Гамбург два прожектора перегорели, но теперь все было в порядке.

– Нормально. Починил?

– Достал новые патроны.

Ричард хохотнул – ему понравилась невольная игра слов.

– Покажешь, чем вы тут без меня занимались? Переодеваться не буду – только погляжу.

Ричард отсмотрел отрепетированную часть номера, покинул, дал несколько указаний. На часах было уже девять вечера, так что вскоре после этого он отпустил артистов по домам.

Когда все ушли в гримерные, в зале остались только Джек и Ева.

– Курить хочу, – сказал Джек.

– И я, – отозвался Ричард.

Ева молча последовала за ними, по пути сдернув с вешалки свое пальто. Курить в зале не разрешалось – владелец театра считал, что табачный дым может испортить бархатный занавес, чудом переживший войну.

Они вышли во двор, в темноту. Было облачно, и окружающий мир освещала только Стена. Утыканная яркими фонарями, словно иголками, полоса отчуждения между внешним и внутренним сегментами служила отличным источником света в этом пустынном и практически необитаемом квартале.

Среди множества одинаковых белых огней виднелся один желтый. Это было окно наблюдательной вышки, но те, кто там работал, казалось, давно перестали следить за театром. Ричард обработал их на славу: в первые пару месяцев он часто развлекался тем, что выкрикивал приветствия на разных языках, стоя в распахнутом окне, или подавал сигналы фона-

риком, направленным прямо на вышку. Стрелять через границу было строго запрещено, так что эти забавы ничем ему не грозили, – зато теперь пограничники, скорее всего, считали его конченным фриком. От агентов «Штази» работавших на западе, они, разумеется, знали, кто квартирует в старом доме с дырой.

– Привез? – поинтересовался Джек, и Ричард кивнул.

– Все было чисто? – спросила Ева.

– Вполне. Я сказал, это для шоу.

– Он у тебя что, не вызвал доверия?

– Нет, – Ричард покачал головой. – Скользкий тип.

– Ну, это предсказуемо... – вздохнул Джек. – Ты же не думаешь, что он только таких, как мы, обеспечивает всеми этими вещами?

– Может, сменим парней? – предложил Ричард. – Уже поздно, мы и так задержались.

Они затушили сигареты и нырнули обратно в заднюю дверь. Ричард спустился по лестнице еще на один пролет – в подвал – и негромко постучал. Это была особая комбинация ударов, которую знали только те, кто должен был знать.

Послышались шаги, потом заскрежетала щеколда, и дверь приоткрылась.

– Это мы, – сказал Ричард.

Им открыл Дитрих – невысокий смуглый юноша, одетый в облепленную землей спецовку и грязные джинсы, давно утратившие первоначальный цвет.

– Все в порядке? – спросил он, пропустив их внутрь и закрыв за ними дверь. – Вас долго не было.

– Я в Гамбург ездил, – отозвался Ричард.

– Купил?

– Ага.

– Один купил?

– Больше было бы подозрительно.

Это место меньше всего напоминало подвал театра. Здесь не было реквизита и старых портьер – зато была огромная гора земли, сваленной в углу. На другом конце виднелось жилое помещение – топчан с матрасом, газовая горелка, водопроводная труба с наспех приделанным к ней старомодным краном. В углу висели на веревке куртки и брюки – такие же мокрые и грязные, как и одежда Дитриха. Сухая одежда лежала в большом деревянном ящике неподалеку.

– Я тогда поеду, – сказал Дитрих. – Только Харди позову.

Он двинулся в дальнюю часть подвала, а Ричард подошел к ящику и принялся раздеваться. Оставшись в одном белье, он вытащил из кучи вещей комбинезон – весь в заскорузлой глине – и влез в него.

Джек последовал его примеру. Закончив, он отвернулся, чтобы Ева тоже могла переодеться.

– Я кое-что тебе привез, – сказал Ричард, пока она застегивала свой комбинезон.

– Одну из тех скляночек, которыми торгует Микки? – улыбнулась она.

– Все она знает... – пробормотал Ричард. – Нет, не ее.

Он разжал ладонь и протянул Еве маленькую жемчужную подвеску, которую до сих пор прятал между большим и указательным пальцем. Ричард купил ее в Гамбурге и провез через границу точно так же – в руке.

– Какая прелесть, – проговорила она. – Спасибо, мне очень нравится.

Ричард наклонился, чтобы ее поцеловать, и одновременно с этим застегнул подвеску у Евы на шее.

Она протестуяще прижала ладонь к украшению.

– Не нужно! Вдруг потеряю...

– Не потеряешь. Там очень крепкий замочек.

Ева обвила руками его шею, потом вдруг спросила:

– А где пистолет?

– Он в ящике.

– Ты его зарядил?

– Нет, милая.

– Хорошо...

Послышались шаги, и в комнату вошел Дитрих, а вслед за ним – Харди. Этот угрюмый бледный баварец, казалось, совершенно не подходил на роль шахтера, но на деле был очень сильным и выносливым.

Ричард обменялся дружеским рукопожатием с обоими.

– Доброй ночи, – сказал Дитрих. – Не забывай про полосу.

– Да, – сказал Ричард. – Не забуду.

Он всегда хотел стать акробатом, но не сложилось – при-

вычка кривляться взяла верх. Мать, Беттани, недолюбливала его за это: тощий пронырливый Ричард без конца приставал к порядочным людям со своими простецкими фокусами. Совсем не то, что ее старший сын – статный красавец Лесли, который, как она тем не менее считала, угробил свою жизнь, когда пошел в цирк.

Его отец тоже там работал – и оставил Беттани с маленьким мальчиком, для которого пришлось искать приемного папу, чтобы вокруг не шептались. Новый брак, однако, принес и нового ребенка: хотела Беттани того или нет, нужно было чем-то скрепить замужество. Так что Ричард оказался желанным пополнением в семействе только для отца – и для Лесли, который души не чаял в младшем брате и всему его научил.

Ричарду удалось использовать его уроки в своей карьере иллюзиониста. Лесли хотел, чтобы он занимался акробатикой, и Ричард в конечном итоге исполнил это желание – только по-своему. В этом году под откидным дном грузовика он привез в Западный Берлин миллиметровые невидимые нити – последнее изобретение ученых из Калифорнии. Каждая такая нить была рассчитана на центнер, так что Ричард мог порхать по воздуху, удерживая Еву на руках. Конечно, чтобы система работала, пришлось попотеть: Джек построил ему подвижную конструкцию под потолком прямо здесь, на острове посреди ГДР, неизвестно откуда достав запчасти. Ричард очень им гордился.

И это была далеко не единственная заслуга Джека.

Ричард переобулся в рабочие ботинки и прошел в основное помещение, которое располагалось под репетиционным залом, только на два этажа ниже. Здесь в стене зияла дыра – низкий земляной ход, уходивший вперед, в темноту. Над ним был закреплен примитивный механизм, позволявший вытягивать вырытую почву в тележке. По полу, словно два исполинских дождевых червя, змеились два кабеля – электрический и телефонный. Сам телефон стоял тут же. Это был старый советский полевой аппарат, который работал на честном слове.

– Я пойду или сначала ты? – спросил Джек.

– Сначала я, – ответил Ричард.

– Тогда давай.

Краем глаза он увидел, что Ева устроилась на своем табурете неподалеку. Она собирала гибкий воздуховод, который в скором времени должны были пустить в тоннель. Ричард послал ей воздушный поцелуй и нырнул в дыру.

Несмотря на лампочки, подвешенные под потолком, здесь царил полумрак. Было холодно, пахло землей и досками. Ричард, пригнувшись, двинулся вперед, опираясь на все четыре конечности. Несколько минут – и он оказался у стены, в которую упирался ход. Там он подхватил кирку, и, скрючившись по-паучьи, принялся методично долбить глину.

Дышать тут было куда труднее, чем наверху. Спертый воздух словно бы с неохотой проталкивался в горло, застревая

где-то в районе ключиц. Но останавливаться было нельзя – они уже слишком глубоко прогрызли дно города, чтобы теперь все бросить из-за недостатка кислорода.

Ричард целился в фундамент старого прусского дворца развлечений «Хаус Фатерланд». Теперь на месте этого здания, где до войны размещались роскошные кафе и кинотеатр, была длинная, покрытая пылью площадка, еще не успевшая толком зарости. В сорок пятом «Фатерланд», как и весь квартал вокруг Потсдамского вокзала, сильно пострадал. Он много лет стоял разрушенным, словно мрачное каменное привидение, зияя дырами в фасаде. Руины снесли лишь пару лет назад. Но отпечаток остался – и теперь служил отличным ориентиром.

Левый верхний край фундамента отмечал вход в подземный коридор, приводивший к старой станции «Потсдамер Платц». Линии метро и электричек здесь пересекались, но платформы для них использовались разные: метро, как выражались архитекторы, «висело под потолком» – на мизерной глубине, прямо над более объемистым и более новым тоннелем для пригородных поездов. Когда эта часть города еще была обитаемой, пешеходы буквально ходили по своду подземки.

Электрички до сих пор перевозили пассажиров по ветке под пустырем, и в городе все знали, что с платформы за ними наблюдают солдаты. А вот пути метро давно не использовались, и в Доме будущего надеялись, что на старой станции

пограничников нет. Кто стал бы расставлять посты на запечатанном перроне?

Волноваться о беглецах в этой части Берлина властям, по идее, не стоило: в тоннеле к западу и к востоку от «Потсдамер Платц» стояли глухие кирпичные перегородки. Однако западная по стечению обстоятельств оказалась довольно далеко от Стены: в начале семидесятых ФРГ купила у ГДР землю под «Фатерландом», и граница сдвинулась к северу. А под землей все осталось, как было.

Благодаря старым чертежам Ричард знал, что прусские архитекторы втиснули «Потсдамер Платц» прямо в подвал отеля «Фюрстендорф», который когда-то царил на площади, лицом к лицу с пышным зданием вокзала. Разрушенный в войну, он исчез задолго до «Фатерланда», но фундамент никто не откапывал. Сейчас его подземные пустоты простирались почти до края пограничной полосы. Выкопав ход из дома на западе, команда Ричарда, по расчетам, должна была проникнуть туда через заброшенную станцию и по лабиринту комнат пройти на восток – в тоннель метро, уже после второй перегородки. Судя по схеме, там существовал эвакуационный выход. Это был фокус, которым Ричард очень гордился, поскольку придумал все сам.

Вот уже три с половиной недели они копали почти круглосуточно. Четыре человека работали в две смены, по восемь-десять часов. Вырытую землю приходилось транспортировать в тележке – второй работник попросту вытягивал

ее, когда первый подавал сигнал по телефону.

Ричард уставал, конечно, но не до смерти. Во всяком случае, сил на репетиции хватало. Правда, иногда он засыпал прямо в театре – на топчане в подвале или наверху, в одной из гримерных. Ему это было позволительно: даже газеты знали, что иллюзионист Ричард Нельсон пьет, как моряк, – согласно своей фамилии.

Внезапно кирка ударила во что-то твердое и громко заскрежетала по камню.

Ричард отдернул ее, словно там был оголенный электрический провод. Сразу мелькнула мысль – «теперь засекут». Он посидел немного, прислушиваясь, но наверху, на пустыре у Стены все было тихо.

Тогда Ричард нагнулся и принялся копать руками. Очень скоро кончики пальцев нащупали бетонную плиту. Она явно была старой – совсем не та дешевая дрянь, из которой все строили теперь.

Он схватил телефонную трубку.

– Что случилось? – напряженно спросил Джек на том конце провода. Ричард почти услышал, как Ева поднялась со своего места и подошла к нему.

– Я нашел стену.

– В смысле – стену?

– Иди взгляни.

Послышался шорох – Джек двинулся к нему по тоннелю. Ричард лег и вытянулся во весь рост, чтобы занимать по-

меньше места. Когда позади показался его друг, он указал на землю там, где кирка задела бетон, и погрузил пальцы в почву.

Джек последовал его примеру. Он немного расчистил отверстие и покачал головой. Ричард только кивнул, потом махнул в сторону выхода.

Ева уже стояла у входа и смотрела на Ричарда во все глаза.

– Бетон? – спросила она.

– И немолодой.

– Я посмотрю.

Она быстро нагнулась и тоже нырнула в тоннель. Ричард только поджал губы. Он не любил, когда Ева туда ходила, но поделать ничего не мог. Из всей команды только она успела закончить университет – по стечению обстоятельств, строительный.

Ева вернулась спустя несколько минут; ладони и лоб были выпачканы в земле, глаза сияли.

– Похоже, там вентиляционная шахта! – выдохнула она.

– Вентиляция метро?

– Да! Но дело в том, что ее нет на наших картах...

Пришлось прекратить на время все работы – то, что на схеме, которую нашли для них ребята из Дома будущего, не было такого важного элемента, могло означать, что там есть и другие ошибки.

Ева составила список букинистических лавок и принялась

прочесывать их в поисках дополнительных чертежей. Она всем рассказывала о шоу летающих людей и якобы искала материалы, способные помочь им построить, как она выражалась, «нужный механизм». Одета в свое броское меховое пальто, со множеством кулонов на шее и ярким макияжем, Ева не вызывала у продавцов ничего, кроме изумления, так что могла рыться в пыльных книгах сколько вздумается.

Спустя три дня она кое-то нашла. В одной из архитектурных монографий обнаружилась подробная схема обеих станций «Потсдамер Платц» – со всеми переходами, шахтами, вылетами и туннелями для кабелей. Можно было бы в целом на этом остановиться, однако в списке еще оставался один магазин. Ева, которая всегда все доводила до конца, туда поехала и, осматривая коробки с книгами, наткнулась на рваную карту подземных сооружений времен Третьего Рейха. Нужная часть – между Бранденбургскими воротами и нацистским министерством авиации – плохо сохранилась, но это все равно была очень полезная вещь. Ева не стала сообщать продавцу о том, что отыскала среди его запасов, а просто вложила лист в дорогой альбом с репродукциями и купила его.

После этого они опять засели за чертежи. На собрание пригласили Дитриха: именно он обеспечивал связь с Домом будущего – подпольной организацией, занимавшейся переправкой людей из ГДР на запад. Газеты называли это побегам, но в Доме будущего избегали подобных определе-

ний, предпочитая слово «эвакуация». Участников таких операций называли «пассажирами» – даже если они, как часто случалось, приходились родственниками кому-то из организаторов.

Ричард сошелся с этими людьми случайно – подруга Евы попросила провезти через границу «новый паспорт» для своей сестры. Основные страницы – разумеется, поддельные – в свернутом виде были запрятаны в сигареты внутри початой пачки. Ричард сразу забрал ее у Евы, пообещав, что выкурит улики, если дело запахнет жареным. Но на таможене вокзала «Фридрихштрассе» – или Дворца слез, как его еще называли – никто к нему не придрался. Паспорт «собрали» уже на другой половине города, и спустя неделю девушка благополучно пересекла границу.

Навыки фокусника и характер бандита были бесценны в подобном деле. Ричард глубоко сочувствовал семьям, которые оказались разделены Стеной, и ненавидел ее саму. Он несколько раз бывал в Восточном Берлине (неизменно – с контрабандой) и пользовался в Доме будущего большим уважением. В конце концов Дитрих, передававший ему предметы для транзита, аккуратно осведомился, можно ли посмотреть репетицию.

Ричард, который спускался в разрушенные подземелья «Фатерланда» до того, как здание снесли, сразу понял, к чему он клонит. По ту и по эту сторону Стены город был весь изрыт ходами, словно термитник. В Берлине существовала

даже подземная больница, которая работала до сих пор. Под пустырями и улицами скрывались гаражи прусских гостиниц и бункеры Третьего Рейха, заброшенные пешеходные переходы и фрагменты недостроенных автомобильных тоннелей, не говоря уже о метро. Это была настоящая рукотворная пещера, весьма запутанная и в этой части города почти необитаемая. Грех было не воспользоваться ею.

Инженеры из Дома будущего считали, что через «Потсдамер Платц» можно пролезть в подвалы под полосой. Правда, чтобы проверить это, необходимо было выкопать ход длиной сто шестьдесят семь метров и пробить стену подземной лестницы прямо под носом у пограничных войск ГДР.

Вентиляционная шахта, безусловно, облегчала эту непростую задачу.

Дитрих и Джек занялись поисками подходящих инструментов. Ричард в этом не участвовал – он был слишком заметным. Но скучать не пришлось – благодаря неожиданной паузе наконец появилось время как следует проработать номер.

Было приятно вылезти из душной норы и покувыркаться под потолком. Прозрачные нити из Калифорнии пока оправдывали все траты и нервы: с ними даже в самом простом акробатическом поясе – лонже – Ричард чувствовал себя свободно. Правда, по настоянию Евы, на репетициях лонжу дополняла страховка – внизу был голый паркетный пол, на ко-

торый ни у кого не получилось бы упасть удачно. Страхочный трос немного мешал двигаться, но Ричард помалкивал – переспорить Еву в таких вопросах не представлялось возможным.

Он хорошо помнил, как пару лет назад, когда они еще не встречались, чуть не отрезал себе палец прямо во время шоу – не заметил, что рука попала в ножницы. Джек тогда отвез его в больницу, и палец быстро пришили – под общим наркозом, чтобы пациент не дергался и не хохмил во время операции. Но когда Ричард пришел в себя, он увидел Еву, сидевшую на раскладном стуле рядом с каталкой. В своем свитере, надетом поверх блестящего трико, она была похожа на маленького заплаканного гнома. Увидев, что Ричард проснулся, Ева принялась страшно его ругать. Оказалось, она боялась, что под анестезией у него откажет сердце.

Ричард тогда сделал две вещи: поцеловал Еву, отчего она сразу перестала сердиться, и пообещал себе никогда больше так ее не расстраивать.

Все эти годы он держал слово. Ева всегда боялась за двоих, но при этом любила риск. А Ричард рисковал за двоих и боялся только за нее. Однако сейчас стало казаться, будто баланс сдвинулся – Ева так вошла во вкус, что начала забывать о своих страхах. Ричард никак не мог понять, хорошо это или плохо.

Они оба и раньше знали, что ветка метро у здания театра ведет к работающей станции, уже на территории Восточно-

го Берлина – «Тельманнплатц». Именно она с самого начала была их целью. Но теперь обнаружилось, что вдоль тоннеля тянется исполинская система бункеров с целую улицу длиной – останки Рейхсканцелярии. В городе все знали, что после войны ее руины никто не раскапывал: все просто очистили и разровняли. Это значило, что система цела.

По логике, она просто обязана была сообщаться с метро, следовало только найти дверь. Учитывая, что вокруг лежал правительственный район ГДР, это было особенно нагло.

Через несколько дней после совещания Ричард и Ева решили осмотреть все сами – без помощи доверенных лиц с востока. Они доехали на электричке до вокзала «Фридрихштрассе», прошли пограничный контроль, а затем сели на метро.

На «Тельманнплатц» из состава всех высадили, поезд стоял у платформы, впустил новых пассажиров и пополз обратно. Люди двинулись к выходу, но Ричард замешкался, завязывая шнурки, которые нарочно развязал еще в очереди на границе. Когда он поднялся, Ева прильнула к нему и прошептала:

– Смотри, какая там будка!

– Вижу, милая.

Будка действительно была – крупная, отделанная потускневшим металлом, она стояла в середине узкой платформы и выглядела практически незаметной, как многие предметы,

которые находятся на виду.

– Знаешь, что там внутри? – спросила Ева, когда они медленно побрели вдоль перрона, все еще обнявшись.

– Дыра в полу? – отозвался Ричард.

– Еще какая!

Они поравнялись с будкой, и Ева чуть слышно продолжила:

– Ход ведет под платформу и после – к путям. Люк прямо там, за дверью.

– Откуда ты знаешь?

– Видела на другой станции.

Им выпал джекпот – ничего лучше придумать было нельзя, хотя провести большую группу через такой ход не получилось бы. Это означало, что эвакуация, даже при благоприятном стечении обстоятельств, могла растянуться на недели, а то и на месяцы.

«Дыра в Стене, – подумал Ричард. – У нас будет дыра в Стене!»

Комбинированный проект «ход – метро – бункер – метро» казался разумным решением: в шестидесятых, когда в Берлине по обе стороны границы наблюдался тоннельный бум, все старались рыть в самых узких местах, чтобы за одну ночь вывести побольше народа. Организаторы побегов опасались предательства или случайного обнаружения, и в «Штази» к такой стратегии привыкли. Но Ричард намеревался действовать иначе.

– Как думаешь, где они держат ключи? – тихо спросил он у Евы.

Она быстро огляделась, потом кивнула в сторону лестницы. Там виднелась железная дверь подсобки, с изображенным посередине аляповатым желтым огнетушителем.

До следующего поезда оставалось шесть минут. Удостоверившись, что поблизости никого нет, Ричард быстро подошел к этой двери и склонился над замком.

– Ты что, хочешь его взломать? Сейчас?! – выдохнула Ева.

– Я быстренько.

Она только рассерженно засопела, а Ричард улыбнулся. Ему нравилось, когда Ева возмущалась.

Замок оказался простым – отмычки, с самым невинным видом висевшие среди его домашних ключей, справились со своей задачей как раз вовремя. Ричард услышал отдаленный шум поезда в тоннеле, разомкнул замок, нажал на дверь и нырнул в комнату, утащив Еву за собой.

Они оказались одни в темноте. Пахло пылью и старой масляной краской. Ричард аккуратно развернулся, чтобы ничего ненароком не уронить, и принялся обшаривать стену в поисках выключателя. Снаружи уже слышались шаги новых пассажиров.

Внезапно в комнате вспыхнул свет – это Ева нашла, где включается лампочка. Они огляделись.

Здесь действительно стоял огнетушитель, а также ведро и деревянная швабра с истерзанной серой тряпкой. В углу

возвышался тяжелый письменный стол, на котором лежал трудовой журнал, пара вырванных из тетради листков и шариковая ручка. На стене висел маленький шкафчик с красным крестом – там, очевидно, хранились средства первой помощи. Больше в комнате ничего не было.

Ричард шагнул к шкафчику и распахнул его. Внутри, разумеется, обнаружились не только бинты, но и связка ключей.

– Хорош бы я был сейчас без пластилина... – пробормотал он.

Ева только подняла брови.

Он высыпал из портсигара папиросы и спрятал их в карман куртки. Потом быстро размял в ладони кусок пластилина, специально припрятанный на такой случай, и распределил его по дну. Осмотрел связку ключей, выбрал один и сделал отпечаток.

– Откуда ты знаешь, какой нам нужен? – шепотом спросила Ева.

– Скважина узкая. Он должен быть тонким.

Закончив, Ричард закрыл портсигар, тщательно очистил ключ и вернул связку на место, пристроив ее на полочке так же, как было.

– Тут повсюду наши пальчики, – заметила Ева.

Они переглянулись и молча принялись вытирать носовыми платками все, до чего успели дотронуться. Потом Ричард попросил:

– Погаси свет.

Он прижался к холодной дверной створке, прислушиваясь, что творится на перроне. Ничего не было слышно, поэтому Ричард аккуратно приоткрыл дверь и выглянул наружу.

На станции было пусто – новый поезд еще не подошел. Он нашел в темноте ладонь Евы, и они выскользнули из подсобики.

Сердце бешено колотилось: Ричард еще ни разу не использовал свои отмычки по назначению – только для тренировки. Он вновь засунул их в замочную скважину, чтобы запереть дверь.

Ева стояла рядом, отчаянно дергая шерстяную нитку на рукаве свитера. В конце концов она оторвала ее и зашпиговала сквозь зубы, потому что случайно поцарапала себя ногтем. В тот же момент в замке что-то щелкнуло, и дверь закрылась.

Ричард шумно выдохнул. Они торопливо поднялись по лестнице на улицу. Давно стемнело, моросил мелкий холодный дождь, и вокруг было черным-черно – город экономил на электричестве. Тротуар поблескивал, как река, ночь затопила улицы – населенная секретами, ближе ко дну, глубже в тени под фонарными столбами.

Все невидимое, казалось, сейчас было на самом виду.

– Ты чокнутый, – проговорила Ева.

– Абсолютно.

– Я тебя когда-нибудь убью.

Ричард улыбнулся.

– Мне нравится тебя сердить.

– Идиот, – сказала Ева. Потом взяла его за руку и потянула за собой.

Вернувшись в Западный Берлин, Ричард сразу отнес отпечаток в мастерскую и сделал дубликат. Дитриху пока нечем было знать об этой маленькой эскападе, так что он просто прицепил новый ключ на кольцо вместе с остальными.

Теперь Ричард хотел узнать, куда ведет люк, располагавшийся в будке. Брать с собой Еву он на этот раз не собирался – затея была слишком опасной. За такие дела людей сажали в следственный изолятор «Штази» даже с западными паспортами. В тоннеле метро к западу от «Тельманнплатц» наверняка имелись сигнальные пластины, размещенные прямо на земле, – наступишь на такую, и у пограничников включается лампочка и сирена. Однако контактный рельс, по идее, был обесточен, и Ричард всерьез подумывал пройти по нему.

В этом тоннеле следовало искать двери, которые могли вести в бункер, или старые дверные проемы, заложенные кирпичом. Ричард знал, что подобные вещи люди могут не замечать годами: какой-то вход, какая-то лестница... Никто не стал бы обращать на них внимание, если бы не знал, что скрывается внутри.

Он соврал Еве, что поедет на репетицию, но бросил маши-

ну у вокзала и вновь отправился в Восточный Берлин. Пройдя границу, Ричард зашел в туристический магазин и купил карманный фонарик, а после направился к станции.

В подземке было совсем немного народа: рабочий день еще не кончился, и сотрудники многочисленных органов госуправления, располагавшихся возле «Тельманнплатц», сидели по кабинетам. Свет в будке, как и в прошлый раз, не горел, поэтому, дождавшись, когда перрон опустеет, Ричард вставил ключ в скважину. Замок поддался, он нажал на ручку, скользнул в будку и запер за собой дверь.

Включать фонарик пока не стоило, но сквозь занавешенные окна со станции все же проникало немного света. Ричард огляделся. Здесь был еще один огнетушитель, электрический щиток и закрытый на задвижку металлический шкаф, в котором, очевидно, хранили противопожарное оборудование – рукав с брандспойтом, топорик, лопату. В полу, действительно, обнаружился широкий люк, и Ричард склонился над ним, чтобы осмотреть.

Он был не заперт, но одна из ножек шкафа упиралась прямо в крышку. Пришлось изрядно попотеть, чтобы ее освободить. Не хотелось, конечно, каждый раз так делать, однако выхода не было – иначе служащие могли заметить, что кто-то лазает в будку.

Покончив со шкафом, Ричард открыл люк и заглянул внутрь. Темный ход вел под платформу, в стене были закреплены простые металлические скобы – лестница. На всякий

случай Ричард проверил, нет ли на крышке автоматической защелки, потом включил фонарик, зажал его в зубах, запрыгнул в шахту и закрыл люк.

Долго спускаться не пришлось – через пару секунд он наступал пол. Здесь пахло бетоном и было очень грязно – похоже, внизу давно никто не бывал. Два коридора уходили вправо и влево, но на полу, покрытом вездесущей серо-коричневой копотью от поездов, не было никаких следов. Мельком Ричард подумал, что в следующий раз все нужно будет протереть тряпкой, чтобы никто ничего не заподозрил, если откроет крышку. Потом перехватил фонарик поудобнее и, пригнувшись, двинулся на запад.

Коридор оказался довольно длинным. Он был построен исключительно неудобно, вровень с основанием тоннеля – слишком высокий для того, чтобы ползти на четвереньках, но слишком низкий, чтобы выпрямиться во весь рост.

– Ну кто так строит! – в сердцах пробормотал Ричард. От неудобного положения у него начала затекать шея.

Он настолько погрузился в собственное раздражение, что едва не разбил нос, споткнувшись о не пойми откуда возникшую ступеньку. Фонарик, дрогнув, выхватил из темноты дверь, которой оканчивался ход. Ричард тихонько выругался про себя – он совсем забыл, что нужно смотреть под ноги.

Дверь оказалась закрыта на засов и подалась без труда. Снаружи ощущался характерный запах подземки – камень, сырость, пыль. А вот электричеством и техникой тут не пах-

ло. Это был хороший знак.

Ричард замер и внимательно оглядел уходившие вниз бетонные ступени. Зазоров по бокам не наблюдалось, но на всякий случай он решил туда не наступать и вместо этого с порога шагнул прямо на бордюр, уцепившись за металлические перила. Потом перемахнул через них и спрыгнул на камни. Он точно не знал, как выглядят сигнальные пластины, но подозревал, что они могут быть замаскированы под шпалу или ступеньку, либо засыпаны щебнем, и не хотел рисковать.

Длинная бетонная пристройка, из которой вышел Ричард, была продолжением платформы и торчала ровно посередине тоннеля. С двух сторон от нее уходили в темноту ряды старых шпал, оставшиеся после того, как демонтировали пути, и темный контактный рельс. Ричард мигом вспотел, глядя на него.

Он с надеждой оглядел тоннель. Тишину здесь нельзя было назвать абсолютной – то и дело слышалось шуршание и едва различимый свист. На секунду Ричарду показалось, что вдалеке он увидел, что хотел, – крысу, сидевшую на контактном рельсе. Если бы тот был под напряжением, ее бы убило током. Но стоило направить на зверька фонарик, его и след простыл.

Ричард вздохнул, ухватился за каменную стену, чтобы не держаться за металл, сделал широкий шаг и осторожно коснулся ступней рельса. Ничего не произошло. Тогда он пе-

ренес туда вес, как будто хотел пройти по канату. «Способности канатоходца передаются по наследству», – мелькнуло в голове.

Теперь дело было в шляпе. Он медленно двинулся вперед, осматривая тоннель: пол, стены, потолок. Очень скоро внимание привлекла одна из шпал – судя по цвету, новее остальных. Ричард остановился и посветил. Шпала оказалась немного приподнятой, камни вокруг нее будто бы лежали не на месте. Ухмыльнувшись, он нагнулся, поднял один из булыжников и положил на рельс, чтобы отметить место. Видимо, это и была та самая пластина – хотя она могла оказаться не единственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.